

ГОРОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА В. Ф. ВЛАДИСЛАВЛЕВА¹

Д. А. Беговатов

В данной статье исследуются три текста священника В. Ф. Владиславлева (дневник и два очерка). Выявляется комплекс информации, характеризующей повседневные служебные отношения городского духовенства Тверской епархии в середине XIX в., рассматриваются основные линии внутрицерковных и межличностных отношений.

Ключевые слова: городское духовенство, повседневные служебные отношения, В. Ф. Владиславлев, Тверская епархия.

Источники личного происхождения – неотъемлемая часть корпуса документов, с которым работает ныне каждый исследователь. Они привлекательны тем, что отражают взгляды, мнения и оценки авторов и, следовательно, помогают глубже видеть эпоху, а сопоставление их с другими видами источников позволяет изучить общество как сложный организм, как систему разнообразных, порой противодействующих сил и устремлений.

Эпистолярных документов, созданных деятелями Русской православной церкви (далее – РПЦ), в настоящее время известно достаточно много, и каждый из них представляет большую ценность для исследователя отдельных аспектов истории духовного сословия. С одной стороны, в таких источниках содержится масса «мелочей», принадлежащих к повседневной жизни духовенства, а с другой – в них отражается отношение отдельно взятого священнослужителя к тем или иным фактам действительности. Большой интерес вызывают источники, освещающие наиболее важные, переломные моменты в жизни церкви и её служителей.

Середина XIX в. – особый период в истории РПЦ. В это время существующие в церкви проблемы, с одной стороны, уже достигли апогея, а с другой – ещё не были решены. В эти годы формируется когорта тех священнослужителей, которые потом будут современниками и невольными участниками великих потрясений начала XX в.² Именно поэтому изучение исторических источников этого периода и об этом периоде истории церкви и духовенства представляется важным.

¹ Рецензент: научный руководитель доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тверского государственного университета Т. Г. Леонтьева.

² Леонтьева Т. Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) // Социальная история: ежегодник. М., 2000. С. 37.

В данной статье выявляется комплекс информации, содержащийся в трёх документах, принадлежащих перу тверского протоиерея Василия Фёдоровича Владиславлева, – очерках «Тверское современное духовенство», дневнике и статье о преосвященном Григории (Постникове)³, а также выявляются взгляды автора данных текстов на некоторые проблемы церковной жизни середины XIX в.⁴

В. Ф. Владиславлев (1820/1821–25.12.1895) – видная фигура в Тверской епархии второй половины XIX в., человек незаурядный: он получил образование в Московской духовной академии, стал первым редактором «Тверских епархиальных ведомостей». В. Ф. Владиславлев был одним из известнейших публицистов епархии и оставил значительное по объёму и содержанию эпистолярное наследие. Его заметки, переписка, дневник, очерки, проповеди, литературные сочинения хранятся в фонде Тверской учёной архивной комиссии (ТУАК) в Государственном архиве Тверской области (ГАТО)⁵. Большая часть его трудов не опубликована, в научный оборот введены лишь незначительные отрывки из дневника и очерков «Тверское современное духовенство», опубликован рассказ «Женихи-богословы»⁶, часто цитируются его автобиографические записки⁷.

Между тем очерки «Тверское современное духовенство, или Краткий перечень лиц белого и чёрного духовенства» написаны В. Ф. Владиславлевым в 1852 г. и представляют собой яркие литературные зарисовки нескольких десятков лиц духовного звания, среди них – архиепископ Тверской и Кашинский Гавриил со своим ближайшим окружением, экононом архиерейского дома, ректор Тверской духовной семинарии, 11 священников, 11 дьяконов и 12 дьячков и пономарей.

Интересно отметить, что данное сочинение писалось синхронно с дневником; с помощью последнего можно установить точную дату начала работы над «Очерками» – 23 мая 1852 г.⁸ Связь между двумя документами прослеживается совершенно явно: некоторые блоки дневниковых записей, описывающие происшествия с теми или иными священнослужителями, практически целиком перенесены в «Тверское современное духовенство»⁹.

³ Архиепископ Григорий (1784–1860 гг.) В миру – Постников Григорий Петрович, впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Первоначальное образование получил в Перервинской и Троице-Сергиевской семинариях, а затем окончил Петербургскую духовную академию. В 1822 г. возведён в сан епископа, в 1831–1848 гг. – архиепископ Тверской и Кашинский. Скончался 17 июля 1860 г. Погребён в Александро-Невской Лавре.

⁴ Так как сам В. Ф. Владиславлев называет «Тверское современное духовенство» очерками, то далее данное сочинение для краткости будет именоваться этим словом, взятым в кавычки.

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1186–1258.

⁶ Владиславлев В. Ф. Из быта духовенства. Женихи-богословы / сост. И. В. Миронова // Православная Тверь. 2006. № 9–10. С. 8–9; 2007. № 4. С. 9; № 5. С. 9.

⁷ Владиславлев В. Ф. Автобиографические записки протоиерея Тверской Владимирской церкви В. Ф. Владиславлева. Тверь, 1906.

⁸ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1187. Л. 9об.

⁹ Ср.: Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 187об.–190; Д. 1187. Л. 1 об.–2об.

О цели создания «Очерков» В. Ф. Владиславлев говорит в самом начале своего труда: «Не карикатуры хочу писать и неполные портреты тех лиц, с которыми живу в городе и служу пред престолом Господа, а краткие очерки их физиономий и характеров, их домашнего быта на память себе. Из послужных списков и официальных бумаг редко можно узнать характер, для этого требуются частности, мелочи, домашняя жизнь. Желал бы я, чтобы эти листки послужили бы пополнением и пояснением тех формулярных отметок, которые так многословны всегда и так пустословны»¹⁰.

Однако по прочтении текста складывается устойчивое впечатление, что он ориентирован на постороннего читателя. Можно привести несколько аргументов в пользу данного предположения. В приведённой цитате налицо очевидное противоречие: сначала автор заявляет, что пишет «для себя», однако далее говорится, что «Очерки» написаны в помощь тому, кто будет впоследствии заниматься изучением церковной жизни.

Кроме того, описание изобилует деталями и пояснениями, которые выдают ориентированность на любого, даже не знакомого с тонкостями церковной жизни читателя. Наконец, В. Ф. Владиславлев умалчивает о тайне исповеди: «Как он (протоиерей ильинской церкви Никита Иванович Гневышев. – Д. Б.) исповедует, это относится более к тайнам, о которых не говорят»¹¹. Если бы автор не предполагал иного читателя данного текста, кроме себя, то такая осторожность была бы, очевидно, излишней.

Таким образом, можно с уверенностью предполагать наличие ориентированности данного текста на постороннего читателя. Из этого следует, что существует вероятность «приукрашивания», подчёркивание В. Ф. Владиславлевым своей роли; следует с некоторой осторожностью и критикой относиться к оценкам и фактам, приводимым автором в этом сочинении.

В повествовании Владиславлев использует следующую схему при характеристике духовенства: описание внешнего вида человека; описание характера и привычек, которое всегда сопровождается многочисленными примерами; определение отношений данного лица с начальством, другими священнослужителями и прихожанами (что также иллюстрируется различными случаями из жизни); краткая характеристика семейства и быта; режес – достоинства человека.

Владиславлев порой крайне категоричен: он беспощадно бичует пороки священнослужителей своего времени, выставляя на вид такие злодеяния, как взяточничество, вымогательство, а также пьянство, пренебрежение своими обязанностями, неприкрытую зависть и мстительность. Высшее духовенство епархии предстаёт в самом невыгодном свете; наиболее развёрнутые характеристики, сопровождающиеся большим количеством примеров, даны двум самым злостным, по его мнению, нарушителям церковных законов и морали – ректору Тверской духовной семинарии архимандриту

¹⁰ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 164.

риту Никодиму и соборному ключарю, приближенному архиепископа К. К. Чередееву, на их долю приходится почти 40 % текста данного источника (90 листов)¹². Для сравнения следует сказать, что об архиепископе Тверском и Кашинском Гаврииле рассказывается всего лишь на 3,5 листах (менее 1,5 % текста источника).

Следует отметить, что в «Очерках» Владиславлев затрагивает проблему внутрицерковных и внутриепархиальных отношений, которая остро ощущалась в середине XIX в. В повествовании отмечено несколько основных линий отношений (зачастую непростых, напряженных), в которых городской священнослужитель был одной из взаимодействующих сторон. Рассмотрим их более подробно.

Приходское духовенство Твери в повседневной жизни часто сталкивалось с «соборным», взаимоотношения этих двух групп священно- и церковнослужителей не всегда были мирными и добрососедскими. Причина заключалась в следующем: тверской собор не имел своего прихода, доходы его духовенства складывались из фиксированного жалования, различных сборов во время богослужения, пожертвований от прихожан за служение молебнов в храме и прочих молитвословий. Соборные священно- и церковнослужители не отправляли многочисленных треб, как это делали приходские священники. Кроме того, кружечные и прочие сборы в храме во время богослужения (достаточно значительные) делились не между четырьмя членами причта, как это было в прочих церквях города, а на 12 человек, так как в штате собора состояло 5 священников, 3 диакона, 4 причетника. В итоге на отдельно взятого клирика сумма выходила небольшая¹³. Таким образом, материальное положение «соборян» оставляло желать лучшего.

В то же время уровень жизни приходского духовенства был значительно выше, что было постоянным предметом зависти соборных священ-

¹² Архимандрит Никодим (Лебедев). В миру – Николай Арсеньевич Лебедев, ректор семинарии и настоятель Отроч монастыря. Обучался в Костромской семинарии, потом в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1847 г. назначен ректором тверской семинарии и настоятелем тверского Отроч монастыря. 31 марта 1852 г. уволен от духовной учебной службы и назначен настоятелем Елецкого Успенского монастыря Черниговской епархии, где и скончался 21 января 1854 г. Известен как писатель-богослов и проповедник.

Череев Кузьма Кириллович (1796–1870 гг.) – магистр, окончил Тверскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, с 1823 г – профессор Тверской семинарии. Ключарь (1848–1853 гг.), благочинный (с 1848 г.), член духовной консистории (с 1851 г.), протоиерей.

Из других источников не удалось получить сопоставимой по своему характеру информации для выяснения степени объективности Владиславлева в своём описании этих двух лиц. Однако в биографии архимандрита Никодима есть сведения о неудачности его карьеры и частых переводах из одной епархии в другую, что может быть косвенным подтверждением его неуживчивого характера и наличия поводов, неблагоприятных проступков для столь частого перемещения.

¹³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 56об.–57. Действительно, если посчитать совокупность кружечного и кошелькового сборов, особых значительных пожертвований и доходов от сдачи внаём церковной недвижимости, то тверской кафедральный собор на 1856 г. оказывается только на третьем-четвёртом месте по сравнению с городскими приходскими церквями. См.: Там же. Ф. 160. Оп. 1, Т. 2. Д. 6302. Л. 88об.–89, 93об.–94, 97об.–98.

но- и церковнослужителей. Сам В. Ф. Владиславлев пишет об этом следующее: «... ежели сравнить одни соборные доходы с доходами любого прихода, приходские доходы, верно, больше соборных. Каждый городской священник получает до 1000 руб. ас[сигнациями], в соборе священник получит чуть ли не меньше этого, а уж во всяком случае, не больше. Я не говорю об иных приходах, где священнику может прийти до 1000 руб. серебром»¹⁴.

Ощущение материальной ущемлённости, несоответствие денежного вознаграждения престижному статусу служения в кафедральном соборе вызывало у «соборян» зависть и раздражение. Два фрагмента наглядно иллюстрируют их чувства к приходскому духовенству: «В отношении к приходскому духовенству соборные чрезвычайно нерасположены. Они до чрезвычайности завидуют всем приходским священно-церковнослужителям. Нет безделицы, на которую они с завистью не смотрели, когда видят эту безделицу у приходского духовенства. Они завидуют, когда видят на священнике порядочные ризы; они завидуют, когда увидят рясу порядочную, шляпу, трость, сапоги, перчатки, когда на жене священника увидят шляпу или чепчик; они завидуют, когда случится где в приходе свадьба порядочная, когда случатся похороны порядочные; они завидуют, когда в церкви приходской ризница хороша, или ковёр хорош, или уют хорошо; они завидуют, когда народу много куда-нибудь в церковь собирается. Всеми и при всяком случае завидуют. Священники, разумеется, эту зависть скрывают до времени, а дьяконы и причетники – те без зазрения совести высказывают эту зависть при всяком случае»¹⁵.

«Соборные чрезвычайно завидуют нашему причту; это зависть разделяется пропорционально, так сказать. Т. е. священники соборные завидуют мне, дьяконы – моему дьякону, псаломщики – моему дьячку и пономарю»¹⁶.

Судя по всему, отношение Владиславлева и прочего приходского духовенства было к этому юмористическим: их это забавляло, иногда они и сами были не прочь слегка «подразнить» «соборян»¹⁷. Однако напряжение между данными двумя группами священно- и церковнослужителей всегда сохранялось, чему иной раз способствовали и горожане, которые, например, открыто выказывали предпочтение своим приходским причтам перед соборным при обходе духовенством в праздники с крестом домов обывателей¹⁸.

Соборное духовенство имело перед приходским одно преимущество – оно было ближе к архипастырю и использовало своё влияние на него, что

¹⁴ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 138–138 об. В пересчёте на ассигнации это составляет 3500 руб. См.: Гурьев А. Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903. С. 125.

¹⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 55–55 об.

¹⁶ Там же. Л. 128.

¹⁷ Там же. Л. 56 об.

¹⁸ Там же. Л. 57 об.

могло идти во вред приходскому духовенству. Например, К. К. Чередеев выпросил у владыки право предварительно проверять проповеди священников на архиерейских богослужениях во время поездок по епархии и обратил это в источник личного обогащения – требовал от назначенного проповедника денег за «проверку» письменного текста проповеди, в случае подачи ему недостаточного «вознаграждения» характеризовал подготовленное обращение к пастве неудовлетворительно¹⁹. Владиславлев отмечает, что Чередеев изобрёл этот дополнительный для себя источник доходов для вымогательства денег преимущественно с городского, более состоятельного духовенства.

Иногда возникали конфликты между священнослужителями различных церквей одного города из-за определения границ приходов, так как от этого во многом зависел уровень материального благосостояния причта. Недовольные клирики требовали пересмотра существующего деления города на приходы для увеличения количества своих прихожан за счёт других храмов²⁰.

Важно отметить, что для благосостояния причта имело значение не только и не столько количество прихожан, сколько их материальное благополучие и особенности религиозных обычаев. Например, Владиславлев констатирует, что приходы городской (центральной – Д.Б.) части Твери (в сравнении с Затьмацкой, Затверецкой и Заволжской частями) богаче, так как в центре проживали купцы, дворяне и чиновники²¹. Но этот состоятельный слой городского населения не был однородным, три входящие в него группы сильно разнились своими религиозными привычками, что существенно влияло на степень зажиточности того или иного причта: «... купеческие приходы хоть не так видны, как дворянские, да зато хлебны. Купец и на проскомидию подаёт, и молебен отслужит, и в акафист даст, и на сорокоуст пришлёт, а у дворян не жди этого. Купец не скажет в праздник, что дома нет иль “Не приказано принимать”, к нему смело священник идёт, не боясь отказа. А у дворян не так. Там у дверей настоишься, лакею наклоняешься»²². «Чиновнический приход вот какую имеет выгоду пред дворянским и купеческим приходом: дворяне редко принимают священника, хотя хорошо платят; купцы часто принимают, но худо платят; чиновники и часто принимают, и довольно хорошо платят. У дворянина за визит священнику обыкновенно дают целковый, редко два; у купца – двугривенный, много три гривенника, редко полтинник; у чиновника всегда полтинник, весьма редко три гривенника. У дворянина можно быть в Рождество, в Пасху, иногда в Крещение, в храмовый праздник, да ещё, может быть, раза два или три, не больше. У купца и у чиновника – за всякий праздник»²³.

¹⁹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 77–78об.

²⁰ Там же. Л. 192.

²¹ Там же. Л. 138об.

²² Там же. Л. 165.

²³ Там же. Л. 195об.–196.

Не будет преувеличением сказать, что практически вся жизнь приходского священнослужителя зависела от того, какой приход достался ему, доходный или нет, – этим определялась степень бытового благополучия семейства, развитость или практически полное отсутствие досуговой сферы, наличие возможности дать своим детям хорошее образование и пр. В качестве показательного примера можно привести некоторые факты из жизни священника калязинского собора Тверской епархии И. С. Белюстина. Из-за недостаточных средств для содержания своего большого семейства он вынужден был работать с раннего утра и до позднего вечера, добывая пропитание, при этом в отдельные периоды жизни ни о каком досуге и речи быть не могло; мысль же о необходимости обеспечить сыновьям достойное образование, а дочерям ещё и дать приданое повергала священника в отчаяние²⁴.

Возвращаясь к рассмотрению внутриепархиальных и внутрицерковных отношений, следует остановиться на взаимоотношениях между священно- и церковнослужителями и благочинными, назначаемыми епископом в помощь себе для наблюдения за духовенством епархии на местах. Как правило, одно благочиние объединяло несколько ближайших приходов, а на должность благочинного назначался священник с беспорочной репутацией и определённым жизненным и священнослужительским опытом. Благочинный обязан был посещать приходы своего ведомства, просматривать приходно-расходные книги, представлять владыке периодические отчёты о поведении духовенства благочиния, а также рапортовать о чрезвычайных происшествиях, в которых были замешаны священно- и церковнослужители, порученные его надзору. Должность эта была почётной, но неоплачиваемой.

Отношения благочинного с подведомственным ему духовенством не всегда были «безоблачными» и отечески благожелательными: недобросовестный благочинный, используя данную ему власть по наблюдению за приходскими священно- и церковнослужителями, мог заниматься, например, прямым или косвенным вымогательством у подчинённых ему клириков. Вот один из случаев, который описывает В. Ф. Владиславлев: «Его (благочинного. – Д. Б.) и не думали приглашать никуда на праздники служить, он сам набивается: он напишет священнику записку, что, так как владыки нет в Твери, то он будет служить у праздника... Делать нечего. Священник рад не рад, а прими благочинного. Благочинный сделает честь, отслужит обедню, пообедает, получит 2 или 3 целковых, уедет на ваш счёт и спасибо не скажет». Такие ухищрения некоторых благочинных для «выкачивания» средств из приходских церквей вызывали у Владиславлева и

²⁴ Из истории провинциального духовенства: И. С. Белюстин. Заметки / Текст, вступ. ст., коммент. Т. Г. Леонтьевой. М.; Тверь, 2001. С. 43, 65, 69, 77, 80.

прочего духовенства или насмешки, или же попытки противостояния и защиты своих храмов от посягательств корыстолюбивого начальника²⁵.

Напротив, порядочный благочинный иной раз отказывался зайти в гости к духовенству при осмотре храмов и отклонял приглашения на званые обеды во избежание подозрения в навязчивости или вымогательстве²⁶. Такой начальник воспринимался чуть ли не как дар Божий, его ценили, уважали и оказывали искренние знаки внимания. Например, Владиславлев и прочие представители духовенства, преподнесли своему благочинному по случаю юбилея и вручения ордена Святой Анны подарок «за его труды и за доброту», чем «потешили старика»²⁷.

Взаимоотношения духовной консистории и приходского духовенства зачастую характеризовались среди прочего бесконечными поборами, жёстким и грубым обращением, пренебрежением спецификой ситуации на местах при принятии решений со стороны первой и неприязнью, насмешками со стороны последних²⁸. В. Ф. Владиславлев высказывался по этому поводу: «На консисторию всё духовенство, особенно иногородние и сельское, смотрит, как на ад. ... То несомненно верно, что всякий из духовных когда узнает, что консистория разваливается (от ветхости здания. – Д. Б.), всякий пожелал, чтоб она совсем сквозь землю провалилась... Приезжает в консисторию какой-нибудь сельский или городской священник, его рвут, рвут, а и когда выпихнут сельского священника летом, когда ему день-то стоит Бог знает чего»²⁹.

Недостатки системы административного управления епархией (в том числе и консисторского устройства) были предметом активного обсуждения в среде священнослужителей. Например, приведённая выше цитата взята из описания Владиславлевым своего диалога с одним из членов консистории на поминках в присутствии духовенства и мирян. Как отмечает автор, все присутствующие сочувственно отнеслись к его словам. В другом месте Владиславлев даёт короткую, но очень яркую и ёмкую характеристику членам консистории: «Там (в консистории. – Д. Б.) ведь большей частью заседают такие мужи, которые “не мыслят, не рассуждают, а только уставя браду взирают”, как выразился кто-то о старинных думных боярах».

Говоря о взаимоотношениях духовенства внутри причта, следует отметить, что между настоятелем и подчинёнными ему священно- и церковнослужителями нередко возникали столкновения. Часто встречались случаи недостойного поведения и недобросовестного выполнения своих обязанностей дьяконами, пономарями и дьячками; их скверный характер и нетрезвый образ жизни были причиной скандальных ситуаций или откровенных

²⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 106об.–107.

²⁶ Там же. Л. 140, 144.

²⁷ Там же. Д. 1221. Л. 145.

²⁸ Там же. Л. 178–180.

²⁹ Там же. Л. 178об.

конфликтов³⁰. Вот один из многочисленных примеров, описываемых В. Ф. Владиславлевым: «Летась в праздник Сретения Господня – у Козмодемьяна³¹ это храмовый праздник – нужно было служить вечерню... Викарный был пьян, приходит дьякон пьянее викарного. Народу собралось довольно много, ждут начала службы. Вот выходит дьякон, становится на амвон, и, вместо “Благослови, Владыко”, воздевает руки к небу, склоняет несколько голову на сторону и самым умиленным голосом, насилию стоя на ногах, говорит: “Боже, милостив буди мне, грешному”. Всплеснул руками, поклонился и поплёлся в алтарь. Прихожане думают: “Ну вот, слава Богу, хоть не будет мешать священнику”. Через две минуты выходит из Царских дверей викарный священник, тоже мертвецки пьяный, подходит к Царским дверям, делает поклон и чуть не падает. Потом обращается к народу и говорит: “Благословите меня, отцы и братие, и простите, грешного”. Сказавши кой-как это, священник поклонился народу и ушёл в алтарь. Тем и кончилась вечерня. И коротко, и просто, и вместе с тем назидательно!»³² В. Ф. Владиславлев также описывает случаи, когда диакон прилюдно в пьяном виде матом ругал своего священника, иной раз и во время богослужения³³. Понятно, что с таким прихотом настоятелю приходилось нелегко.

В подтверждение вышеизложенного можно добавить, что в отчёте тверского архиепископа о состоянии епархии за 1851 г. отмечено два наиболее часто встречающихся проступка духовенства – нетрезвый образ жизни (со всеми вытекающими отсюда последствиями) и ссоры из-за недостаточного материального обеспечения (очевидно, при выделении каждому священно- и церковнослужителю своей доли из общих доходов)³⁴.

При описании подобных пороков священно- и церковнослужителей чувствуется подчас неподдельная горечь в тоне Владиславлева: своим недостойным поведением подобные служители алтаря не только порочили свой священный сан, но и бросали тень на саму православную веру. После очередного подобного примера автор взывает к Богу для ниспослания наказания таким неблагоговейным (а возможно, и неверующим) представителям духовенства³⁵.

Между настоятелем и церковным старостой иногда возникали конфликты и разногласия. Староста выбирался прихожанами на три года, эта должность была почётной, но не оплачиваемой, поэтому в городах чаще всего старостами были люди достаточно состоятельные из среды купцов или мещан. В обязанности старосты входило ведение церковного хозяйства, финансовой документации храма и наблюдение за сохранностью иму-

³⁰ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 165об.

³¹ Имеется в виду Косьмодемьяновская церковь.

³² Там же. Л. 153об., 154.

³³ Там же. Л. 166–166об., 169об.–170об., 52.

³⁴ Там же. Ф. 160. Оп. 1., Т. 1. Д. 5960. Л. 76об.

³⁵ Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 100.

щества церкви. В случае успешного прохождения своей службы он мог рассчитывать на похвальный лист или медаль³⁶.

Отдельные священники постоянно подозревали старост в нечестности и злоупотреблениях и потому стремились поставить на эту должность «своих» людей, а не тех, кого выбирают прихожане³⁷. Часто это противостояние заканчивалось не в пользу настоятеля – приход доверял своим старостам и защищал их, рассматривая такие подозрения как оскорбление в свой адрес. Впрочем, опасения духовенства не всегда были беспочвенными, иногда действительно старосты совершали незаконные действия. Так, например, некоторые из них тайком от причта изымали деньги из церковных кружек и пускали их в оборот в своей торговле³⁸.

Интересно, что в подобных ситуациях Владиславлев практически всегда принимает сторону старосты, а не настоятеля; даже в случае обнаружения явных злоупотреблений он выступает за мирное решение конфликта, предлагает ограничиваться лишь внушением и предупреждением, а не отстранением старосты от должности. Чаще всего он не придаёт особого значения слухам об использовании старостами церковных средств для личного обогащения, считая это скорее плодом чрезмерной подозрительности священников.

Иногда причиной конфликтных ситуаций в жизни духовенства служило неуважение прихожан к священнику или же стремление «батюшки» получить большую плату за отправление треб³⁹. В последнем случае некоторые представители духовенства действовали очень «решительно»: Владиславлев описывает пример, когда недовольный платой за сорокоуст священник швырнул обратно деньги и добился того, чтобы денежная сумма была увеличена вдвое⁴⁰.

Во всех вышеназванных конфликтах интересна позиция В. Ф. Владиславлева – священника, знающего ситуацию «изнутри», в повседневной практике часто сталкивающегося с многочисленными сложностями на разных уровнях епархиальной жизни. Как уже отмечалось ранее, в своём видении той или иной проблемы автор старается быть объективным, стремится учитывать и понимать позицию обеих конфликтующих сторон.

Помимо названных выше, в «Очерках» затрагиваются и другие актуальные проблемы жизни духовенства середины XIX в.: нехватка мест для служения выпускникам семинарии, бытовая неустроенность духовенства (например, отсутствие при церкви домов для священнослужителей), тяжёлая моральная обстановка, окружающая учащихся семинарии и училищ

³⁶ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. С. 367, 368, 373, 376.

³⁷ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 218–218об., 231об.–233об.

³⁸ Там же. Л. 231об.–234.

³⁹ Там же. Л. 180об.–182, 231–231об.

⁴⁰ Там же. Л. 230об.–231об.

вследствие их проживания на частных квартирах, потеря благоговения и, возможно, даже веры у духовенства и пр.⁴¹ Всё это является ещё одним подтверждением и существенным дополнением той реальности, которая предстаёт в исследованиях, выполненных с привлечением иных документов⁴².

Имеются в источнике описания бытовой стороны жизни священнослужителей: устройство и внутренняя обстановка дома, типичная одежда, традиционные формы досуга и развлечений. В данном отношении «Очерки» В. Ф. Владиславлева также очень ценны.

Следует ещё раз отметить: в очерках «Тверское современное духовенство» Владиславлев, не стесняясь, в самых ярких красках обрисовывает многочисленные пороки служителей престола Божия и некоторые недостатки организации управления церковью на епархиальном уровне. При этом необходимо помнить, что Владиславлев относился к разряду очень успешных священнослужителей: будучи магистром богословия, он служил в одном из лучших приходов губернского города, его материальному благополучию могли бы позавидовать многие священники Твери, не говоря уже о духовенстве уездных городов или деревень. Можно задаться вопросом, почему такой священнослужитель, у которого не было веских причин жаловаться на собственную судьбу, выражает такое сильное недовольство современным ему положением дел?

Вероятно, именно широта мышления, видение глубины и проблемы и её зрелости заставляли Владиславлева абстрагироваться от собственного достаточно безбедного существования и проявлять озабоченность по поводу тех сложностей, противоречий и напряжённостей, которые накопились в церкви к середине XIX в. Его позиция в определённом смысле сходна с точкой зрения калязинского попа Белюстина, который из-за слишком активной демонстрации своих категоричных взглядов по вопросам церковной жизни прослыл бунтарём⁴³. Однако их судьбы сложились по-разному. В начале 1850-х гг. они оценивали происходящее вроде бы одинаково, но впоследствии оказались по разные стороны «баррикад» – в знаменитом и нашумевшем в конце 1870 – начале 1880-х гг. разбирательстве по «делу» священника Белюстина протоиерей Владиславлев выступал в качестве члена комиссии, определявшей по поручению Св. Синода степень благонадежности о. Иоанна⁴⁴.

⁴¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1221. Л. 62, 98об.–100, 140об., 146, 153об.–155, 176об.–177об., 219об.–220, 223.

⁴² См., например: *Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform.* Princeton, 1983; *Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.*

⁴³ *Леонтьева Т. Г. Власть, Церковь, народ в дневниках и письмах провинциального священника: 1830–1890 гг. // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2007. Вып. 3. С. 79.*

⁴⁴ *Леонтьева Т. Г. О. Иоанн (Белюстин). Жизнь и творчество провинциального священника // Из истории провинциального духовенства: И. С. Белюстин. Заметки. С. 15.*

Можно предположить, что последующее продвижение по карьерной лестнице – назначение членом духовной консистории и различных комитетов, знаки высочайшего внимания, должность редактора печатного епархиального издания – поставили Владиславлева в такое положение, при котором он не мог позволить себе столь явную критику такого рода. С другой стороны, возможно, переход на умеренные позиции обусловлен и более зрелым возрастом – в момент создания «Очерков» автору было немногим более за тридцать, здесь мог сказываться известный максимализм. В любом случае сочинения Владиславлева более позднего времени – неопубликованные автором повесть «Сдача места» и рассказ «Женихи-богословы» – обрисовывают существующие в церкви проблемы иносказательно и не так категорично.

Второй важнейший документ из наследия В. Ф. Владиславлева – его дневник, «летопись ничтожностей и мелочей», по собственному выражению автора⁴⁵. Данный источник охватывает сравнительно небольшой период времени – с 18 мая по 3 сентября 1852 г. Возможно, причиной столь быстрого прекращения ведения записей явилось тяжёлое душевное состояние автора, наступившее после смерти малолетней дочери, скончавшейся 31 августа 1852 г.

Структура дневниковых записей несколько варьируется в различные дни, но в целом можно выделить её основные составляющие: краткие сведения о погоде утром; описание трудового дня, основных мест посещения, лиц, с которыми произошли встречи; передача разговоров с теми или иными знакомыми; запись новостей или слухов; описание вечернего досуга; краткая «сводка» погоды вечером или ночью. Иногда автор цитирует в дневнике различные документы, целиком или частично, например, приводит программы экзаменов студентов Тверского духовного училища и Тверской духовной семинарии за 1851 и 1852 гг.⁴⁶

К ведению дневника В. Ф. Владиславлев относился очень серьёзно – практически ни один день в записях не пропущен, даже в тех случаях, когда автор уезжал из Твери. Иногда священник по нескольку раз в день обращался к дневнику: сначала описывал планы на день, а затем уже результаты их реализации. Это позволяет детально проследить не только течение дня священнослужителя, но и самые свежие, эмоционально богатые впечатления автора от пережитого, размышления о занимавших его событиях на протяжении всего времени ведения записей. Всё это относится к сфере изучения истории повседневности и представляет для исследователей значительный интерес.

Блоки информации, содержащейся в дневнике, состоят из распорядка дня и основных обязанностей городского священника, характеристики материального положения и основных материальных трудностей, описания

⁴⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1187. Л. 41.

⁴⁶ Там же. Л. 82–83, 91об.– 94.

досуга, сведения о значительных событиях городской жизни – например, приезд в Тверь наследника российского престола, громкие судебные дела, праздничные крестные ходы и пр. Таким образом, данный источник также представляет ценную информацию о различных сторонах повседневной жизни духовенства, и, разумеется, уникальном жизненном опыте автора.

Статья Владиславлева «Некоторые черты из жизни преосв[ященного] Григория, архиепископа Тверского, впоследствии митрополита С[анкт]-Петербуржского» точно не датирована⁴⁷. Но в тексте есть небольшая подсказка: 1859 г., год выхода в свет книги К. К. Чередеева «Биография Тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в г. Твери и до ныне», на неё делает ссылку Владиславлев.

Данная статья Владиславлева менее значима для изучения жизни городского духовенства по сравнению с предыдущими двумя документами. Но в ней достаточно подробно представлен важный аспект внутрицерковных отношений, а именно – проблема отношений архиерея и подведомственного ему духовенства. Вот как он иллюстрирует эту сторону епархиальной жизни: «Действительно, с духовенством владыка был строг и суров, но зато он был добр и ласков со всеми светскими. Кто бы ни явился к нему из светских, владыка его примет, ведёт в гостиную, сажает на диван или в кресло, беседует по часу, слушает всякий вздор, принимает все доносы на духовенство, (неразборчиво. – Д. Б.) тут же даёт предложение, что вот-де, “дошло до моего сведения, что такой-то священник или дьякон ведёт жизнь нетрезвую, поэтому вызвать его в архиерейский дом на испытание”, или что-нибудь в этом роде. Если же является ко владыке кто-нибудь из духовных, напр[имер] протоиерей уездного города или архимандрит, они дожидаются в дрянной передней, пока владыка не позовет их в залу. Сидеть в гостиной редко кто устаивался, тем более говорить что-нибудь откровенное, с чувством (неразборчиво. – Д. Б.) искренней преданности. Владыка принимал обыкновенно, стоя в зале, речь его была, большею частью, жестка и сурова»⁴⁸.

Помимо этого в статье приводятся случаи унижительного обращения архиепископа Григория с тверским архимандритом, протоиереем кафедрального собора и членами духовной консистории, вызванные одной лишь капризностью характера преосвященного и горячностью его характера⁴⁹. Такие отношения владыки с подчинённым ему духовенством едва ли могли сформировать атмосферу взаимопонимания и расположения друг к другу. Недаром в памяти некоторых священнослужителей этот архиепископ остался только тираном⁵⁰.

Подводя итог, можно отметить, что очерки В. Ф. Владиславлева «Тверское современное духовенство», его дневник и статья о преосвящен-

⁴⁷ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1224.

⁴⁸ Там же. Л. 3–3об.

⁴⁹ Там же. Л. 4 об.–6, 7–10об.

⁵⁰ Там же. Д. 1187. Л. 109, 147.

ном Григории в совокупности содержат бесценную информацию о церковной жизни и городском духовенстве середины XIX в.

Уникальность «Очерков» заключается в перенесении акцента в повествовании с фигуры архипастыря на рядовых служителей церкви, в широком охвате проявлений церковной жизни, в явном обозначении линий конфликтов, в которых священнослужитель выступал одним из субъектов отношений.

Дневник В. Ф. Владиславлева позволяет посмотреть «изнутри» на жизнь городского священника, помогает лучше понять его взгляд на целый ряд существовавших в то время проблем. Это, несомненно, представляет большую ценность, так как именно через изучение калейдоскопа мнений, точек зрения современников и участников событий можно не только лучше понять прошлое, но и изучить его как сложный организм. Кроме того, дневник содержит богатый материал для изучения повседневной жизни городского духовенства.

Наконец, статья о владыке Григории позволяет представить, в каких отношениях находилось духовенство епархии с архиепископом на протяжении целых 17 лет, являя яркий пример бесправия и незащищённости рядового священнослужителя от начальственного произвола.

Словом, эпистолярное наследие В. Ф. Владиславлева открывает новые возможности для изучения истории православного духовенства не только Тверской епархии, но и дореформенной России в целом.

Литература:

- Гурьев А.* Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903.
- Леонтьева Т. Г.* Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) // Социальная история: ежегодник. М., 2000.
- Леонтьева Т. Г.* О. Иоанн (Белюстин). Жизнь и творчество провинциального священника // Из истории провинциального духовенства: И. С. Белюстин. Заметки. М.; Тверь, 2001.
- Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.
- Леонтьева Т. Г.* Власть, Церковь, народ в дневниках и письмах провинциального священника: 1830–1890 гг. // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2007. Вып. 3.
- Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

D. A. Begovatov

Urban clergy of Tver diocese in the middle of the 19th century in the light of Vladislavlev's documents.

Summary

The paper focuses on the information obtained from the three documents worked out by priest V. Vladislavlev (dairy and two essays). The study source provides accurate information about daily service relations of urban clergymen in Tver diocese in the middle of the XIXth century. In addition the paper also considers main courses of intrachurch and interpersonality attitudes of priesthood.

Key words: urban clergy, daily service relations, V. Vladislavlev, Tver diocese.